

В. Тусев
КАРТИНА С КЛЯКСОЙ

ЧЕРНЫЙ КОТЕНОК

Валерий Борисович Гусев
Картина с кляксой
Серия «Дети Шерлока Холмса», книга 45

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7524509
Валерий Гусев. Картина с кляксой: Эксмо; Москва;
ISBN 978-5-699-72893-0

Аннотация

Наступило долгожданное лето! Семья Оболенских переехала на дачу и наслаждается душистым воздухом, свежей зеленью, щебетом птичек. Братья Димка и Алешка бегают на рыбалку, собирают грибы. Но неожиданно мирное течение жизни нарушает кража в местном музее. Похищены полотна знаменитых художников. Братья начинают свое собственное расследование и уже близки к разгадке, когда Алешка попадает в плен к бандитам! Сможет ли он с честью выйти из опасной ситуации, а брат – успеть ему на помощь? Это задача для настоящих детей Шерлока Холмса!

Содержание

Глава I. «Гав-гав!» – сказала мама	5
Глава II. Квадратный круг	11
Глава III. «Что, где, когда?»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Валерий Гусев Картина с кляксой

Если бы я был каким-нибудь старинным писателем, то зажег бы свечи, обмакнул гусиное перо в чернильницу и начал бы свои записки примерно так:

«Загадочные события, о которых я собираюсь поведать читателю, уже немного отступили в туманную даль прошлого. Но даже безжалостное время не может стереть их в моей памяти.

Я часто по вечерам мысленно возвращаюсь под мрачные своды того старинного дома, где чудились мне после полуночного боя часов бесшумно скользящие тени далеких его обитателей, давно ушедших, но не нашедших покоя. Я слышу легкий шелест их голосов, будто они хотят предупредить нас (детей Шерлока Холмса) о темных силах, замышляющих черные дела.

И все это заставило меня, как доктора Ватсона, взяться за перо...»

Глава I. «Гав-гав!» – сказала мама

И вот мы приехали на нашу дачу. Про которую мама грустно говорит: «Дача у нас как бы есть, но ее как будто и нет».

Это мама правильно говорит. Дача у нас есть. Но на даче у нас ничего нет. Нет ни дома с евроокнами и тарелкой с еврорисом. Ни бассейна с мухами и жуками-плавунцами, ни гаража с «Мерседесами», ни теннисной площадки, ни сарая для старой мебели, которая никому не нужна, но жалко выбросить. Но зато есть высокие и красивые березы с зеленой шелестящей листвой, где чирикают всякие мелкие птицы и поют соловьи, жужжат всякие майские и июньские жуки. Есть старый скворечник, в котором почему-то никогда не жили скворцы, а поселилась шустрая рыжая мышка-полевка. Есть заросли крапивы выше моего носа, есть непроходимые лопухи, где мой младший брат Алешка может заблудиться после завтрака до обеда. (Правда, на обед он никогда не опаздывает, дорогу к столу всегда вовремя находит.) Еще у нас есть дикие шмели и пчелы и пискучие жгучие комары, летучие мыши по ночам, квакающие лягушки, грибы под березами и вредный ежик. Он всю ночь деловито шуршит и недовольно фыркает под полом нашего временного домика, над которым всякий раз после дневного солнца висит задумчивая ночная луна.

Наш домик – это уютный строительный вагончик со сдвинутыми колесами. Мама говорит: они для того сдвинулись, чтобы вагончик не увез нас ночью куда-нибудь на край света, нам и здесь хорошо. Конечно, хорошо. Мы так живем уже не первое лето. Дело в том, что для того, чтобы построить нормальный дом, нам всегда чего-нибудь не хватает. Или денег, или времени. Когда у нас появляются вдруг деньги, то у папы на строительство нет времени. А когда появляется время, то у мамы вдруг кончаются деньги.

Но нам наш вагончик здорово нравится. Он довольно милый. У него есть ступеньки. На которых по вечерам очень хорошо помещается вся наша семья. Папа курит, мама романтически вздыхает и хлопает на себе комаров, Алешка что-то сам с собой бормочет, а я сижу молча и смотрю, как над дальним краем леса всплывает луна и как рассекают еще светлое небо суетливые летучие мышки. Своими, как говорит Алешка, «зигами и зугами».

А еще у нас в вагончике есть старый диван из старой квартиры. К которому никто не подходит, все его боятся, потому что стоит на него сесть, как он тут же вопит своими пружинами, как кошка, которой прищемили дверью хвост. На этом вредном диване может спать только папа: он приезжает со своей милицейской-полицейской работы таким усталым, что всегда спит неподвижно на одном боку, и диван его терпит. А наша молодая овчарка Грета осторожно обходит диван стороной и на всякий случай рычит на него, как на нахальную ворону. Эта ворона все время караулит возле скворечника рыжую мышку. И страшно каркает во все воронье горло, когда та осторожно высовывает из домика свою мордочку.

Мы с Алешкой спим на потолке, который мама красиво называет антресолью. С торца этой чердачной антресоли есть небольшое окошко, которое нам частенько служит дверью. Снаружи мы приставили садовую лестницу (штормтрап – называет ее папа), и наши родители частенько не знают, куда мы уходим и когда приходим. Очень удобное приспособление, которое облегчает наши взаимоотношения. Никаких «где вы шлялись до полуночи?» или «куда пропали с восходом солнца?».

Еще из полезных приспособлений у нас есть надувные матрасы, запас конфет в красивой новогодней коробке и папин бинокль, который ему подарили в Германии за то, что он поймал там у них какого-то международного жулика. Это главная папина работа. Он служит полковником в Интерполе и борется с преступностью во всем мире. Папа часто ездит по разным странам. Мы с ним даже побывали на диких островах Тихого океана, где скрывался

от правосудия один негодяй. А Лешка два раза ездил с папой в Англию, где получил Диплом Шерлока Холмса как лучший юный сыщик. Впрочем, об этом я уже сто раз рассказывал.

Наш чердак – классный наблюдательный пункт. Когда нам нечего делать, у нас весь поселок как жучок на ладони. Все видно – кто куда бежит и кто чем занимается. Вот дед Строганов несет на плече две доски. Доски пружинят, качаются, и дед приседает им в такт. Будто танцует на ходу. Вот тетя Клава подоила свою пеструю Майку и разбавляет молоко водой из колодца, прежде чем нести его нашим соседям-дачникам. Вот тетя Зина, наша московская соседка, развешивает стираное белье на веревках и смотрит в нашу сторону. Она все лето печет пироги и стирает белье. Она очень хочет показать нашему папе, какая она хорошая хозяйка. Не то что наша красивая мама. Тетя Зина еще в третьем классе влюбилась в нашего папу, который учился тогда в седьмом классе, и хотела выйти за него замуж после школы. Но папа женился после школы на маме. И уже много лет тетя Зина старается показать, как он ошибся. Что она печет прекрасные пироги и красиво стирает белье. В папин бинокль все это видно: и красивые пироги, и прекрасные занавески и скатерти. Тетя Зина даже сумела стать нашей соседкой в этом дачном поселке, чтобы и здесь покорять нашего папу. Она очень настойчивая, но никак не поймет, что у нее нет никаких шансов. Потому что для нашего папы никого нет лучше нашей мамы. Ну и нас с Алешкой.

И еще на нашем чердаке есть свеча в подсвечнике и коробка спичек. Потому что электричество в поселке очень неустойчивое. Его иногда отключают. Перед дождем, во время дождя и после него. Иногда утром, иногда днем, а бывает и вечером. И тогда мы сидим при свечах и старой керосиновой лампе.

И вот в один такой мирный вечер что-то началось, чего мы еще не знали. Никто из нас не знал, кроме Алешки. Да и он только чувствовал какую-то возможную пакость.

Мы сидели возле окна при лампе и свечах. В окошко стучались ночные бабочки, за окошком мягко, как осторожная кошка, подкрадывалась летняя ночь. Папа прятался за газетой, пытаюсь читать ее при слабом свете. А мамино лицо в этом свете казалось старинным портретом. Не зря наша мама – самая красивая в нашем микрорайоне и в нашем дачном поселке. И не зря Алешка как-то пошутил: «Дим, а наш папа – молодец, скажи! Такую клевую маму нам выбрал». На что мама тут же ответила: «Это я вам такого клевого папу выбрала!» «Обои хороши, – буркнул Алешка. – Стопудово».

Значит, было так... Папа дремал, прячась за газетой, я любовался потеками воска на свече, Алешка листал какую-то книгу и недовольно ворчал, а наша красивая мама романтически вздыхала:

– Как хорошо! Телевизора нет, вся семья в сборе, злобные комары гибнут возле лампы... – Для мамы комары страшнее лягушек. Она говорит: «Лягушки тоже противные, но они хоть не кусаются». – Соловьи поют...

– Пап, – вдруг врезался Алешка, – ты в Германии был?

– Сто раз. – Папа с удовольствием сложил газету. – А что?

– Там соловьи водятся?

– Сколько хочешь. Сто штук.

– А они там на каком языке поют? На германском?

– Алексей! – очнулась от мечтаний мама. – Все соловьи поют одинаково, по-соловьиному. Хоть сто раз.

– Да, – сказал папа, – язык искусства интернационален, – и опять спрятался за газету.

– Переведи, – попросил Алешка, но перевода не дождался. – По-вашему выходит, что и собаки одинаково лают, да?

При этих словах наша Грета подобралась поближе. И слушать стала повнимательнее. Переводя свои умные глаза от одного к другому. Кто бы у нас о чем ни спорил, она всегда стоит на стороне Алешки. Тем более что тут он опять оказался прав.

– Мам, – спросил он, – как наши русские собаки лают?

– Гав-гав! – сердито сказала мама.

Папа тут же с интересом вынырнул из-за газеты:

– Здорово! Очень похоже. А ну-ка еще разок.

Мама еще разок гавкнула и зарычала. Грета на всякий случай отошла к двери, а папа схватил газету и немного отодвинулся.

– Браво! – сказал он. – Может, ты еще и кусаешься?

Обидеться мама не успела, потому что Алешка тут же спросил:

– А ты по-английски гавкать не умеешь?

Мама немного растерялась:

– Мы это не проходили.

– А мы проходим, – вздохнул Алешка и протянул ей книгу. – Домашка. Сама посмотри.

– Домашка? – удивился папа. – Это домашняя кошка? – И он на всякий случай осмотрелся.

– Домашка, – перевела мама, – это домашнее задание.

Сейчас я объясню. Наша школа стала теперь гимназией «с эстетическим уклоном». Мы теперь чаще ходим в музеи, чем, например, на стадион. И с самых ранних классов у нас ввели иностранные языки – кому как повезет. Алешке достался английский. И особых успехов он в нем не делал.

– Оболенский, – сказала ему перед каникулами их молоденькая учителька, – тебе должно быть стыдно. Ты столько раз был в Англии, но ничему не научился.

Это правда. По-английски наш Алешка знает лишь: «йес», «ноу» и «фейсом об тейбл». Но он не стал оправдываться. Не стал говорить, что в старой доброй Англии он не язык изучал, а изгонял из старинного замка всякие криминальные привидения.

Так или иначе, но он получил на лето «домашку» – книгу сказок на английском языке с наказом прочитать и перевести ее до сентября.

– Смотри, смотри, – сказал Лешка маме, – как собака по-английски лает. У нас «гав-гав», а у них?

– «Боу-воу», – послушно пролаяла мама. А Грета тут же завиляла хвостом. Ей понравился иностранный акцент.

– Полай еще по-английски, – попросил папа. – Что-то слышится родное...

Но тут вдруг дали свет, и мама не стала лаять по-английски, а прогнала нас спать.

– Завтра полаем, – пообещала она. – Все вместе.

– Лех, – спросил я на нашем чердаке, пригравшись под одеялом, – а зачем ты этот разговор затеял? – Я знаю, что Лешка никогда просто так «не подбрасывает дрова в печку».

– Узнаешь, – сонно пробормотал он. – Матрас ты надувал? Плохо надул, завтра поддуешь. До утреннего восхода солнца после вечернего заката, – и засопел по-детски. С английским акцентом.

А утро началось как обычно. Будто ничего еще не случилось.

За рекой, в деревне со смешным названием Пеньки, заголосили местные петухи. Зарычал трактор дяди Юры. Защелкал клювом аист на заброшенной водокачке. Весело залаял под окном сторожевой овчар Грей. Значит, они с дядей Кузей сдали свой ночной пост по охране краеведческого музея в соседнем поселке; дядя Кузя лег спать, а Грей примчался к нашей Грете, он хорошо в музее выспался.

Грей прибегает под наши окна с первым лучом солнца на небосклоне дачных участков. У него с Гретой трогательная дружба. Грей ничего для нее не жалеет. И каждое утро приносит ей все свои любимые игрушки: дырявый мячик, пластиковую бутылку из-под воды, чей-то ботинок и звонкую крышку от кастрюли.

На его веселый утренний лай наша Грета бухает в дверь тяжелыми лапами и вылетает наружу. И там начинается утренняя разминка. С берез срываются в панике мирные птицы, рыжая мышка стремительно взлетает по стволу и скрывается в скворечнике, рассыпаются во все стороны лягушки, и замирает под полом ежик.

Потом собаки сбегают на старое болото. Это классное место, они нас с Алешкой туда водили. Болото все высохло, только стоят шелестящие камыши, тростник и всякая сухая осока. Это все так шуршит, что просто прелесть там бегать. Но в самой середине болота есть очень опасное место – изумрудная такая поляночка, вся в веселой заманчивой траве. Так и хочется на ней поваляться. Но лучше не надо. Алешка туда было сунулся, но Грета схватила его сзади за штаны и оттащила на сухое место.

– Ты что? – возмутился на нее Алешка, а Грета помахала ему хвостиком.

Тогда он подобрал подходящий комок земли и зашвырнул его на эту заманчивую полянку. Комок плюхнулся, булькнул и исчез – трясина. Собаки подпрыгнули и злобно гавкнули.

...В общем, утро у нас начинается рано и весело. Поэтому мы с Алешкой сразу скатываемся со своего антресольного потолка, берем удочки и идем на пруд – все равно наши собаки спать уже не дадут.

Но маме они спать не мешают. Мама говорит:

– Мне так прекрасно и спокойно спится, когда они звонко колотят лапами по кастрюльной крышке.

Мы понимаем: хорошо спать под охраной двух дружных здоровенных овчарок. Которые – с любовью к нам и с недоверием к чужим.

В общем, собаки звонко лают, петухи задиристо поют, трактор рычит, мама крепко спит, а мы идем на пруд. День начинается прекрасно: росная трава, птичья звень, ранняя прохлада.

А на пруду, как говорит Алешка, все для нас уже готово. Из-за дальнего леса в своем розовом свете поднимается солнце в чистое синее небо. Кусочек луны торопится скрыться от его лучей. Стремительным пунктиром над гладкой водой пруда мечутся ласточки, иногда касаясь воды и оставляя на ней разбегающиеся круги. Они легонько колеблют отражение береговых берез и чуть покачивают наши поплавки. Над всей округой – хоровой лягушачий квак. Висят над травинками лупоглазые стрекозы. И начинается клев...

Мне иногда кажется, что у нашего Алешки не два, а десять глаз. Не два уха, а восемь ушей. Все видит и все слышит.

– Ди-и-им! Ка-а-кой плавунец! Больше воробья! Ди-и-им! Какая стрекоза! Чуть поплавок не потопила! Дим, ласточка кузнечика в воду уронила, а карась его сразу съел. Дим, какое облако! На белого лебедя похоже. – Я вглядываюсь: ничего общего с белым лебедем, кривуля какая-то. Алешка объясняет: – Это когда он был гадким утенком. – И снова: – Дим, у Петрухиных петух охрип – доорался. Тетя Зина стиральную машину включила – пироги стирает... То есть ковры печет.

Все видит, все слышит и тем не менее выдерживает одного за другим увесистых золотых карасей. Мне за ним не угнаться.

Кстати, Алешка ловит их только на хлеб. Никогда не насадит на крючок ни червяка, ни кузнечика.

– Мне их жалко, – говорит он.

– А карасей тебе не жалко?

– Караси-то съедобные.

Логика. Особая, Лешкина.

...Вскоре утренняя прохлада потихоньку растворяется, солнышко начинает припекать. Клев становится все ленивее и реже. И тут за прудом дед Строганов включает дисковую пилу. Она визжит на всю округу. Караси прячутся на дно, в глубокий ил, ласточки взмывают в небо, смолкают лягушки и петухи.

После пилы воеет электрорубанок. Потом бухает тяжелый молоток... Вот уже которое лето дед Строганов с утра и до вечера гоняет пилу и рубанок. Пилит, пилит, пилит... Строгает, строгает и строгает. Еще и колотит. За это время из этого материала можно было бы построить еще один поселок. Но дед Строганов ничего не построил. Он даже гнилой штакетник перед своим домом не заменил. Куда исчезают напиленные и настроганные доски – для нас большая загадка.

Правда, мы заметили, что время от времени к его сараю подъезжает задним ходом крытый фургон. Вплотную к воротам. Начинается стук-перестук, негромкий говор – идет погрузка. Потом грузчики наглухо закрывают задние дверцы фургона и что-то в нем увозят.

В конце концов мы узнали, что именно. Но лучше бы не узнавали!..

...Утренняя рыбалка заканчивается обычно так: приходит рыжий флягинский кот и копилочкой садится возле ведерка с нашим уловом. Пока мы сматываем удочки, он сидит смирно и жмурится на отражение солнца в зеркале пруда – усыпляет нашу бдительность. Потом одним ударом лапы опрокидывает ведерко, выхватывает из кучки выплеснувшихся в траву карасей самого крупного и удирает с добычей.

Мы собираем рыбу, и тут прибегают собаки звать нас к завтраку. Они уже наигрались, набегались по болоту. Глаза веселые, ушки торчком, розовые языки по колено. Вся шкура в каких-то семенах и разит неизвестной пахучей болотной травой. От которой они сами без конца чихают.

А мама в это время ждет нас и разбирается с дядей Кузей, охранником музея. Вообще-то он никакой не Кузя, его фамилия Кузнецов, но все его почему-то зовут Кузей. Он раньше служил в милиции проводником служебной собаки. Потом их обоих ранили, а когда они выздоровели, то их отправили на пенсию. И сейчас дядя Кузя с Греем подрабатывают: охраняют по ночам местный музей. Они совсем оправились, только дядя Кузя слегка покашливает, а Грей слегка прихрамывает.

И вот стоит дядя Кузя возле нашей мамы босиком и спрашивает:

– Соседка, к вам мой ботинок случайно не забрел?

– С белым шнурком? Забрел, вон под окошком прячется. Грей притащил.

– Вот вредитель, – шутливо сердится дядя Кузя, – он для вашей Греты ничего не жалеет. Все свое ей перетаскал, теперь за мое принялся! Как заявится, строго скажите ему, чтоб домой шел.

– В угол поставите? – улыбнулась мама.

– Без обеда оставлю, – улыбнулся дядя Кузя.

Когда мы шли с пруда с карасями и собаками, Алешка вдруг опять завел разговор о собачьем лае.

– Дим, скажи, правда же собаки по-всякому лают? Это у них такой язык. Радостно, просительно, грозно, вопросительно, жалобно, тоскливо, да? И вот, Дим, тут один художник...

– Что, тоже лает по-всякому? – не сразу врубился я. – Или кусается?

– Нет, Дим, он картины рисует. И, скажи, ведь каждый художник рисует по-своему, да? Как собака лает.

Вот тут я даже остановился. Что-то почувствовал. И строго, как мама, спросил:

– Алексей! Что ты опять затеял?

– Еще ничего, Дим. Я еще только думаю. Я тебе потом все расскажу. Но еще не скоро. После завтрака.

Когда мы вернулись на нашу как бы дачу, нас уже ждала на столе сковорода, полная яичницы, а у порога стояла миска, полная собачьей каши. Мы с Алешкой дружно навалились прямо на сковородку, а Гретка с Греем дружно зачавкали из общей миски. Хорошая миска, вроде тазика.

– Все, – сказала мама, когда мы вхолостую заскребли вилками по пустой сковороде, а собаки загремели пустой миской, – марш на антресоли досыпать, а ты, Грей, живо домой, сейчас тебе там будет!

Грей еще раз облизнулся, благодарно помахал маме пушистым хвостом, забрал ботинок и нехотя, прихрамывая побрел домой, а мы с Алешкой забрались на свой чердак.

Алешка сразу же схватил бинокль и, не отрываясь от него, стал мне рассказывать про художника, который лает, и про собак, которые рисуют картины.

Правда, он все время прерывал свой рассказ сообщениями обо всех делах в поселке. Вроде того, что тетя Зина повесила сушиться ковры на заборе, дед Строганов потащил в сарай очередную доску, а флягинский рыжий кот все еще доедает нашего карася на крыше сарая и шипит на ворону, которая пытается тоже ухватить кусочек свежей рыбки.

Поэтому я передам Алешкин рассказ своими словами. Потому что с этого рассказа все и началось...

Глава II. Квадратный круг

Несколько дней назад, в одно прекрасное утро, когда мы вернулись с рыбалки, Алешка вдруг умылся! Вдруг постирал свои кроссовки! Вдруг сменил свою драную футболку на менее драную!

– Ты куда нарядился? – с подозрением спросила мама.

– К дяде Кузе, клещей вытаскивать, – соврал Алешка не моргнув глазом.

– И где это он клещей нахватал?

– Это не он, это Грей.

Клещи для собак – это большая беда. Если их просмотришь, собака может погибнуть. Поэтому мы очень за этим следим. Но Грей эту процедуру не любит и дяде Кузе дается с большой неохотой. А Лешке – пожалуйста, делай что хочешь. И слушается его, как примерный ребенок. «Сядь, встань, повернись другим боком, ухо отклячь». Алешка щедро поливает впившегося клеща подсолнечным маслом и немного погодя выкручивает его, как ржавый шуруп из доски. Грей все это терпит, только потом требует чего-нибудь вкусненького. Больше всего любит семечки. Но без шелухи. Ему надо, чтобы кто-нибудь, хороший человек, их погрыз. И такой человек всегда находится.

Но на этот раз хороший человек направился не к дяде Кузе, а в недалекий небольшой городок. Или большой поселок. В местный музей. Мы там уже бывали, там довольно интересно и много всяких ценных экспонатов. Поэтому по ночам этот музей охраняют Грей и дядя Кузя.

Музей находился в облупленной дворянской усадьбе какого-то давнего века, но внутри он очень красивый. Все в нем такое старинное и историческое. В одном зале даже карета стояла с мягкими сиденьями и на ременных рессорах. Алешка, конечно, ухитрился в нее залезть – покачаться. Экскурсовод тетя Липа, делая большие от восторга глаза, говорит, что этой карете пятьсот лет. И что в ней какой-то древний царь ездил. «Доисторический», – сказал мне Алешка. У него все, что было до его рождения, доисторическое.

В общем, музей нам понравился. Там было много всего. И все было какое-то настоящее, непохожее на холодные экспонаты. В подсвечниках торчали оплывшие свечи, в камине грудились обгоревшие поленья. На столике лежала раскрытая книга, и возле нее стояла кофейная чашка. Все часы – и напольные, и на каминной полке, и на стенах – мерно тикали и в положенное время хрипло отбивали положенный час. Старинное оружие, развешанное по настенным коврам, было готовым к бою. Даже громоздкая карета в углу казалась уютной детской спальней. Доисторической такой.

В общем, полное впечатление, что в этом древнем доме до сих пор живут люди. И нормально пользуются всеми доисторическими предметами. Читают, играют в карты, танцуют при свечах, заводят часы, дремлют в глубоких креслах. Привидения такие. Или домовые...

Алешке больше всего понравился самый просторный зал с колоннами. Экскурсовод тетя Липа, чуть не падая в обморок от восторга, рассказывала, что здесь проходили всякие балы под большой оркестр. Он располагался на каких-то антресолях у дальней стены, скрытых красивой загородкой.

– Как бы туда залезть, – помечтал Алешка.

– А никак бы, – огорчила его тетя Липа. – Лестница с той стороны, за запертой дверцей. Алешка вздохнул, еще не зная, что... Впрочем, все по порядку.

Сейчас в этом зале никаких, конечно, балов не случается. Сейчас здесь висят по всем стенам, между колоннами, прекрасные картины старинных мастеров. Всякие сельские пейзажи, морские волны у скал и женские портреты. Он у них так и называется – Зал классической живописи.

И каждый раз, когда мы в нем оказывались, там уже сидел перед мольбертом на складном стульчике молодой юноша. Скромный такой. Худенький.

Алешка в один миг с ним познакомился.

– Дим, его зовут Истомин, он на художника учится. У него сейчас каникулы. И он срисовывает старинные картины, чтобы получше научиться самому рисовать. И мне показалось, что он голодный.

Мне тоже. На нем была всегда одна и та же старенькая ветровка и сильно поношенные кроссовки с разными шнурками. Но он этого не замечал. Он так старательно работал, с таким блеском в глазах, что ему можно было позавидовать. И рисовал он здорово. Ничуть не хуже, на мой взгляд, чем развешанные по стенам классики, у которых он учился. Во всяком случае, очень похоже, не отличишь.

Истомин упорно трудился до самого вечера, когда директор музея, маленькая такая шелестящая старушка, начинала с намеком позванивать ключами.

– Сейчас, сейчас, – бормотал он, делая последние мазки и собирая кисти.

Чуть позже в музей приходили Грей и дядя Кузя. Они обходили все здание, проверяли окна и двери, запирались и садились пить чай. Уже до самого утра.

И вот в этот раз Алешка пошел в музей не просто так. В этот день там открывалась выставка новых работ местного художника Славского. Наш Алешка и сам здорово рисует, поэтому ему было интересно посмотреть на работы коллеги – гениального (так в афишке было написано) профессионала.

Про это событие даже местная газета что-то там написала. Про какое-то «современное явление в ретроспективном изложении». Мы эту газету, конечно, не читали. Просто мама, когда у нее вышла из строя разделочная доска, обрабатывала на ней селедку и потом поручила мне эту газету с рыбьими потрохами отнести на помойку. Я по дороге, чтоб не скучно было, заметку прочитал. Кстати (и это очень важно), Алешка из этой доски сделал кормушку для синичек. И аккуратно каждый день насыпал на нее семечки – не ленился бегать за ними в наш магазинчик. Но я об этом вспомнил... так, чтобы было ясно многое другое. Которое еще впереди.

Когда Алешка в своих стиранных кроссовках подошел к дубовым дверям музея, на которых вместо ручек красовались бронзовые львиные морды с медными кольцами, там уже топтались местные бездомные Вася и Бася, муж и жена. Они трогали дверные ручки, словно взвешивали их, и переглядывались. Наверное, прикидывали, как здорово эти ручки выглядели бы на их двери. Потому что они не были совсем бездомными – на окраине поселка у них была скромная хижина, в которой местный участковый время от времени находил украденные у населения вещи.

Бася и Вася вежливо посторонились, и Алешка вошел в музей.

Презентация намечалась в небольшом зале, куда поставили стулья и столик с букетом цветов в вазе. Впрочем, цветов сначала не было, была только одинокая ваза, про цветы забыли.

– Ах, как неудобно получилось, – начала падать в обморок тетя Липа. Но не успела: на глаза ей попался Алешка. Она ему подмигнула, он ей кивнул – мол, все будет путем. Схватил вазу и помчался к выходу.

– Вазу не разбей! – крикнула ему вслед тетя Липа. – Она старинная!

– Ага, ее разобьешь! Она железная.

Алешка выскочил на улицу, надеясь собрать букет с клумбы возле входа в музей. Облом! На скамеечке возле клумбы грелись на солнышке, нюхали цветы и мирно потягивались Бася с Васей. Все-таки свидетели.

Но Алешка не растерялся, вернулся в музей, где в одном из залов приметил на окне цветущую в горшке герань. Хорошо, что не кактус. Он быстренько выдернул кустик из горшка,

стряхнул с корней землю и «посадил» герань в старинную железную вазу. Залил в нее воду из графина. Поболтал немножко. Чтоб лучше прижилась.

– Какая прелесть! – восхитилась тетя Липа и поставила вазу с цветами на стол. – Где же ты их купил?

– Мне их подарили, – ответил Алешка и уселся в самом первом ряду. Посетителей собралось довольно много, потому что в последние годы культурные мероприятия в поселке стали большой редкостью. Правда, там был Дворец культуры, но сейчас в нем разместился торговый центр. Еще был и кинотеатр, но сейчас в нем разместился крытый вещевой рынок.

Рядом с Алешкой сел какой-то рыжеватый иностранец с голубыми глазками и в веснушках по бокам носа.

Публика в зале собралась вежливая и культурная. Все тихо переговаривались, а когда появился гениальный художник Славский, дружно захлопали ладошками.

«Славский, Дим, он почти совсем как настоящий художник» – это Лешкины слова. Он был в бархатном зеленом пиджаке с пышным бантом на шее и в шляпе, как у Боярского. Он не снял эту шляпу, даже когда уселся за столик. Совсем как Боярский. Тот, наверное, даже спит в шляпе. Но здесь Алешке это здорово не понравилось. Он с раннего детства хамства не выносит.

Алешка был не одинок. Встала какая-то женщина и намекнула художнику, что он в помещении, что здесь присутствуют дамы и неплохо бы из уважения к ним и из элементарной культуры снять шляпу.

– Не могу. – Славский, как бы извиняясь, с небольшой улыбкой широко развел руки. – Не могу, милая дама. Это мой творческий имидж. Аллочка Пугачева носит парик, а я шляпу. Людям искусства можно прощать маленькие слабости.

Ответом была тишина. Только Лешка хмыкнул (как потом оказалось, не зря), а его сосед чмокнул. Он все время в восхищении качал головой и чмокал. Будто сосал конфетку. Хотя чмокать в восхищении было еще рано: картины на задней стене, за спиной художника, были завешены синей шторочкой.

Славский встал, поправил свой бант, потрогал шляпу, будто боялся, что ее сорвет ветром, и начал говорить.

– Уважаемые дамы и господа! Сегодня вам выпала небывалая удача первыми ознакомиться с моей новой серией картин. Не скрою, их сюжеты навеяны мне гениальностью моего учителя Казимира Малевича. Все вы, конечно, знаете его шедевр мирового уровня «Черный квадрат». – Спросите кого-нибудь про Малевича, никто, кроме «Черного квадрата», ничего не назовет. – Однако, – он снова, на всякий случай потрогал шляпу, – что есть «Черный квадрат»? Вся его сила в том, что каждый человек видит в нем что-то свое, глубинное. Или это окно, за которым безбрежная зимняя ночь. Или этот распахнутый во Вселенную путь. Или безысходная тоска. Или...

– Двойка в четверти, – подсказал Алешка. В зале хихикнули.

– Вы неглупый молодой человек, – снисходительно похвалил его Славский. – Впрочем, продолжим. Однако я пошел дальше, шире и глубже. В моих композициях представлено все многообразие человеческих эмоций, радостей и разочарований, надежд и мечтаний... Впрочем, все это вы сейчас увидите. Торопитесь, уважаемые дамы и господа, потому что вся эта серия на днях покидает пределы России. Все картины закуплены западной Галереей современной живописи. Здесь мне за них не дадут и ломаной копейки. Прошу! – И он широким жестом отдернул занавеску.

В зале было и так тихо, только мерно постукивали в углу старинные часы. А сейчас здесь воцарилась поистине мертвая тишина. И буквально через секунду заскрипели стулья, некоторые люди встали и без всяких слов покинули зал.

Картин было много. Штук десять. Но они были странные. Квадраты, треугольники, овалы, круги, «зиги с зугами». Отдельно висела какая-то злобная колючка.

Художник был польщен тишиной.

– Как видите, – сказал он, – я конкретизировал все, что заложено в «Черном квадрате». Вот, пожалуйста, «Синий квадрат». Что это? – Он помолчал, ожидая ответов. Не дождался. – Это символ нашей России. Синее небо, васильки во ржи, синеглазая девушка, синяя вода бескрайних рек, синева дальних просторов...

Тут поднялся сердитый дядька и спросил густым голосом:

– А не лучше ли было изобразить это все, как есть на самом деле? Синее небо, синие васильки, синеглазые русские девушки? Или слабо?..

Славский не дал ему договорить:

– Это примитивизм! Вы только подумайте...

– Спасибо, не буду, – отрезал дядька и стал пробираться к выходу.

ут опять проявила интерес та самая милая дама, что возмущалась его шляпой:

– А скажите, как вы написали бы автопортрет? В каком виде?

– В виде коровьей лепешки, – буркнул сердитый дядька и хлопнул дверью.

Все вежливо улыбнулись, а Славский насмешливо помахал ему вслед и опять поправил шляпу.

– Ну вот. Когда здесь остались люди, близкие к искусству, я продолжу свои идеи. Лучше всего донести их вам на примерах. Вот эта композиция, – он указал на картину: черный круг, в нем круг белый, в белом – ярко-желтый. – Какие ассоциации она у вас вызывает?

Да никакие, наверное, все подумали.

– Вот вы, молодой человек. – Он обратился к Алешке, который сидел с разинутым ртом и широко распахнутыми глазами. – Что вы видите на этой картине? Что она вам подсказывает? Что напоминает?

– Мою маму, – честно сказал Алешка.

Славский сначала растерялся, а потом пробормотал:

– Бедный мальчик... У него такая мама... Трехцветная... Но почему? Зачем?

– Моя мама очень вкусно жарит глазунью, – честно сказал Алешка. – У вас здорово получилось – черная сковородка, белок, а в середине желток. Так не каждый сможет.

В зале прокатился по рядам смехок. Славский на этот раз не растерялся.

– Вот видите? Настоящее искусство стучится в каждое сердце. И каждый в моем шедевре видит свое. В зависимости от уровня интеллекта. Я же здесь изобразил нашу Вселенную. Черная бездна космоса, светлый ореол надежд и яркий диск вечного солнца. А мальчик увидел в этом то, что ему ближе... – Еще бы не ближе, если Алешка в этот день как раз и завтракал яичницей-глазуньей.

– Мальчик прав, – сказал кто-то в зале. – Но я бы предпочел три солнца на сковороде. Сытнее.

Славский посмеялся, оценив шутку, и поправил шляпу.

– Портрет, – сказал он, – должен не копировать внешность человека, а отражать его внутреннюю суть. Это не фотография, это искусство. Кстати, об яичнице... то есть о маме. Вот портрет моей любимой матушки. – Он указал на картину, где был изображен ржавый стальной стержень, унизанный гвоздями, булавками и бритвенными лезвиями. – Вот ее внутренняя суть: твердость характера, острота ума, реакция на плохих людей...

«Да, – подумал Алешка, – вот уж какого сыночка можно пожалеть».

Он давно бы ушел, ему было скучно, но что-то удерживало его на месте. Наверное, рыжий иностранец в конфеткой во рту.

До него тоже дошла очередь.

Когда Славский представил его сотрудником Галереи западного искусства, тот проглотил конфетку и стал говорить с совершенно жутким акцентом, коверкая не только слова, но и их смысл. Если, конечно, он был.

– Который здесь картин, мы его есть покупайт миллион или две миллион евро.

– Лучше три, – поспешно вставил Славский.

– Который три, – засмеялся рыжеватый агент, – это будет очень толсто.

– Жирно, – поправил Алешка.

– О! – Иностранец опять почмокал конфету. – Малшик молодец. С Аленой огурец! – Он подождал, когда все отсмеялись, и продолжил: – Который ваша страна современный живопись плохо любить. Мы у вас все покупайт.

Дальше его никто слушать не стал. Застучали стулья, зашаркали ноги – зал опустел. Остались только «все покупайт», Славский и... Алешка. Он что-то интересное почуял и не ушел, а стал с большим вниманием переходить от картины к картине. Они ему так понравились, что он даже некоторые из них, оглянувшись, осторожно потрогал пальцами. Посмотрел на них (на пальцы) с удивлением и даже понюхал. А за его спиной иностранец и Славский вполголоса что-то обсуждали. Алешка слушал их во все свои многие уши. Но ничего толкового не подслушал – далековато было даже для его натренированных локаторов. Тогда он сгреб цветы из вазы и в виде букета преподнес художнику Славскому в честь его вернисажа. Букет был классный – с него сыпались лепестки и листочки и стекала грязная вода.

Славский так растрогался, что шарахнулся в сторону, оберегая свою спецодежду, а рыжеватый иностранец вдруг сказал на чистом русском языке:

– Слышь, пацан, иди-ка ты отсюда со своим веником.

– Вау! – восхитился Алешка. – Здорово! Вы так быстро вспомнили русский язык!

– А я его и не забывал. Я только по паспорту иностранец, а в глубине души я русский. Алешке стало совсем интересно:

– А зачем этот цирк? – Он чувствовал себя почему-то очень свободно с этим рыжеватым; этот балбес Алешке почему-то понравился. Видно, и Алешка ему глянулся. И рыжий объяснил:

– В России к иностранцам лучше относятся, чем к своим. Всегда помогут. И дорожку укажут, и денежку на дорожку дадут.

– Точно! – подхватил Алешка. – Здесь вам не тут!

– Вот именно. А я делаю великое дело. Я хочу вот этого Славского внести в амоналы европейской культуры...

... Тут Алешка прервал свой рассказ:

– Дим, а кто такие эти амоналы?

– Вообще-то аммонал – это взрывчатка такая.

– Класс! Он, значит, хочет взорвать эту... европейскую культуру! Через этого Славского! Да я теперь с них глаз не спущу.

Вообще-то Алешка не больно-то страдал за европейскую культуру. Ему просто не нравилось, когда кто-нибудь затевал какую-нибудь гадость. Пусть хоть в Европе, пусть хоть в Париже.

– Лех, – успокоил его я. – Он просто слова перепутал. Он хотел сказать не аммонал, а анналы.

– А это кто?

– Точно я не знаю, вернее, забыл. Кажется, это такие списки, куда заносятся всякие великие достижения в мире. Исторические такие.

Алешка чуть бинокль в окошко не уронил. Вытаращил глаза:

– Эти фиговины треугольные – это великая культура? Умереть, Дим! Да я таких амоналов за пять минут сто штук накарябаю!

– Лучше не надо. Их и без тебя хватает. Что там дальше-то было?

– А... Ерунда всякая.

...Как позже выяснилось, это была далеко не ерунда. Но мы этого еще не знали.

Дальше они стали обсуждать свои дела, а Лешка деловито расставлял по местам стулья, снова «посадил» герань на ее место, не забывая «шевелить ушами».

– У меня все готово, – говорил рыжеватый иностранец, – билеты заказаны, приглашение тебе в Германию оформил, разрешение на вывоз твоих картин за рубеж получил...

– Меня таможня беспокоит. Вдруг все-таки признают мои шедевры культурными ценностями. И запретят вывоз.

– Не надейся!

Славский надулся.

– Ой, какие мы гордые! Не дергайся, у меня все схвачено. У нас везде свои люди. На таможене пойдешь через тот пост, где проверяет багаж мой дружок Воробьев. Понял? Таможня даст добро. Но и таможене надо дать.

– Я понимаю... – Это Славский как-то вяло сказал. – У меня сейчас...

– У тебя всегда «сейчас». Гробы продай.

Тут Алешка вздрогнул и насторожился.

– А я что делаю? – оправдывался Славский. – Да спрос на них небольшой.

Рыжеватый рассмеялся.

Славский опять надулся. Даже отвернулся.

– Слышь, гордый. Наш договор надо скорректировать.

– Сколько ты хочешь?

– Половину.

– Во!

Алешка не утерпел и оглянулся: под носом русского иностранца красовалась фигура художника.

– Не хами, живописец. Мне одно только разрешение на вывоз твоего хлама за рубеж больших денег стоило. Оформлены как не представляющие художественной и культурной ценности. По факту!

Славский поморщился от обиды. И спросил:

– А зачем ты про какую-то Алену с огурцом ляпнул?

«Иностранец» рассмеялся.

– А как же! Тонкая деталь. Я слышал ваше русское выражение: «Молодец – как соленый огурец!» – и передал в иностранной форме. «С Аленой огурец». Здорово?

– Ты глуп! – Художник был недоволен. – Зря я с тобой связался.

– Ну и сиди на своих копеечных гробах. А я на твой имидж работаю. Выставки, пресса...

– Ладно, договоримся.

– Ты теперь особо не светись. До отъезда где-нибудь отсидись.

– Уже присмотрел.

«Пора исчезнуть», – подумал Алешка. Он еще раз взглянул на портрет мамы художника, прикинул, что мама-глазунья все-таки много лучше мамы-железяки, и через зал классической живописи пошел к выходу. В зале, как обычно, сидел на своем стульчике перед мольбертом студент Истомин. Копировал очередной шедевр. Мимоходом Алешка глянул на его акварель и опять поразился ее сходству с оригиналом.

– Молодец! – похвалил он Истомина. – Даже я так не смогу.

– Не скромничай, Леша, – устало улыбнулся Истомин и потер правый глаз. До этого он, видимо, тер левый. Теперь они оба были одинаковы – будто под каждым по акварельному фингалу. Поставил кисть в стаканчик. – Все, кончен бал. Перехожу на натуру.

– Давно пора, – одобрил Алешка, хотя и не понял, в чем дело.

Свой рассказ Алешка, опустив бинокль, завершил будничной фразой:

– Тетя Зина наступила на грабли.

Похоже, тетя Зина по жизни ходит по граблям. Недавно она пригласила нас на обед. Как она важно заметила – по-европейски.

На первое она поставила чайные чашки с бульоном из кубиков, а на второе – кофейные чашки с каким-то вязким варевом. Кажется, из грибов.

– Суп «жульен»! – гордо объявила она. – По рецепту великого Дюма.

Великий суп мы вежливо съели, но великого Дюма пожалели.

Десерт у тети Зины был в виде концентратного киселя. Правда, она сама грустно признала, что он «нынче не удался». И объяснила:

– Полнолуние. В этой фазе Луны у меня никогда кисель не удался.

Почему-то нашей маме все кисели и компоты в любой фазе удаются...

После этого европейского обеда мы дома наворачнули полную сковороду настоящей грибной жаренки без всяких великих «жюльвернов» (так Алешка сказал).

Мои размышления прервал Алешка. Он засунул бинокль в футляр и повесил на гвоздик. И сказал:

– Что-то не получается, Дим.

– Что не получается? Кисель?

– Ты какой-то всегда голодный! – рассердился он. – С этим художником не получается.

– Тебе это надо?

– Я еще не знаю, – честно сказал он. – Но смотри, Дим. Иностранец оказался не иностранец – раз! – Алешка загнул один грязный палец. – Великий художник Славский зачем-то раскрашивает кому-то гробы – два! Какая-то галдарея покупает его картины, а он их только что нарисовал – четыре!..

– А где три? – перебил его я. До трех-то считать умею.

– Три потом будет.

Я не стал настаивать – бесполезно. А про «только что нарисовал» все-таки спросил.

– А это ты видел? – И Алешка сунул мне под нос свои ладошки в разноцветных красках. – До сих пор не отмываются.

– А ты пробовал? – усомнился я. Зная, как он «любит» умываться и мыть руки.

– А то! Дим, ты попробуй подумать...

– Вот еще! Тебе надо – ты и думай.

– Так нельзя, Дим, – горячо зашептал Алешка. – Что-то может случиться, а мы с тобой останемся в стороне?

– Хочешь поучаствовать? Или кому-нибудь помочь?

Алешка не обиделся, он умеет быть снисходительным. Он просто сказал:

– Хочу, Дим! Папе.

Ну вот, опять... Тайны, загадки, путешествия и приключения. Погони и засады. Схватки и задержания... Обычно Алешка начинает все это в гордом одиночестве, а потом втягивает много действующих лиц, начиная от членов семьи Оболенских и вплоть до сотрудников папиного Министерства внутренних дел.

Что-то может случиться... Оно и случилось на следующий день. Правда, случилось такое, что даже Алешка не мог представить. Хорошо еще, что в этот день приехал папа. Он редко приезжает на дачу, потому что заканчивает свой рабочий день очень поздно и с большой неохотой использует служебную машину. Но в этот день он вырвался пораньше, и мы все с удовольствием допивали вечерний чай под стрекот кузнечиков, и тьяканье, как сказал Алешка, лягушек, и под зуденье комаров.

– Пап! – вдруг похвалился Алешка. – А я тут на выставке был. Про всякие квадратные треугольники. Такая классная хрень!

Папа так хлопнул ладонью по столу, что в чашках подпрыгнули ложки.

– Алексей! Выбирай выражения. Ты не на улице!

– А на улице можно? – робко спросила мама. – Мне иногда так хочется, особенно в магазине. Там тоже такая хрень на ценниках.

– Тебе можно, – сурово сказал папа. – Ты в другое время росла. А наш младший...

Что наш младший, мы в этот раз не узнали: зазвонил папин мобильник.

– Да, – сказал он. – Полковник Оболенский. Так... Что, где, когда? Хорошо, я сейчас приду.

Папа посмотрел на нас как-то задумчиво и даже немного виновато.

– Я скоро вернусь. Ваш музей ограбили.

– Что я говорил! – радостно завопил Алешка. – Картины сперли!

– А ты откуда знаешь? – спросил папа.

– Оттуда! – убедительно ответил Алешка.

Папа, конечно, нас с собой не взял. Но кое-что мы все-таки узнали. Что-то подслушали (это основной источник информации у Алешки), о чем-то догадались. А что-то и придумали. И не ошиблись.

Папа приехал поздно – мы уже делали вид, что давно спим на своих антресолях в виде чердака.

Мама сварила папе кофе, а он устало пожаловался:

– Хрень какая-то в этом музее.

– Сережа, – вспыхнула мама, – ты только что Алешку отругал за эту «хрень». А сам...

– Да он давно уже спит.

– Щаз-з! – возразила мама любимым Алешкиным словом, и мы ссыпались с чердака.

Папа глянул на нас:

– Хорошо еще хоть в трусах. – И повернулся к маме: – Это твои дети?

– Фифти-фифти, – сказала мама.

– Моя фифти, – сказал папа, – это дисциплина и порядок.

– А моя, – призналась мама, – это любопытство. Рассказывай.

– Я не могу выступать перед голой аудиторией. – Папа отставил чашку.

– Нам не холодно, – поспешил Алешка.

– Неприлично, – уточнила мама.

– А пузатым дядькам ходить по поселку в разноцветных трусах прилично?

Папа широко развел руки и сгреб нас всех троих в свою охапку.

Глава III. «Что, где, когда?»

У входа в музей папу ждали местные сыщики: следователь, начальник уголовного розыска и помощник прокурора.

– «Что, где, когда?», – улыбнулся папа, здороваясь. – «Что» – это ясно, «где» – тем более, а вот «когда» – очень важно выяснить.

– Не все однозначно, Сергей Александрович, – сказал молодой начальник уголовного розыска. – Кража странная.

– Что так?

– Какая-то... разностильная лексика. – Он часто писал в местную газету статьи о себе и о своих бравых операх и любил выражаться литературно.

– А конкретно?

– Похищены очень ценные полотна. Айвазовский, Левитан, Перов, Крамской... И вместе с ними – дверные ручки, шпингалеты, засовы, печные вьюшки.

– Может, под заказ взяли? Какому-нибудь дачнику в родовой коттедж.

– Тогда бы уж и подсвечники хотя бы прихватили. А как показывают сотрудники музея, все экспонаты на месте. Кроме картин, естественно.

– Сотрудников всех вызвали?

– Да, в Малом зале ждут.

– Ну, пойдемте, поговорим.

Тут на крыльцо вышел эксперт.

– Что у вас? – спросил папа.

– Пальчиков нет. Чужих, я имею в виду. Полотна заменили хорошими копиями. И когда это сделано – бог весть. Кражу-то ведь случайно обнаружили.

– А кто именно?

– Экскурсовод Лапина, – поспешил ответить начальник Злобин. – Вела группу, рассказывала об этюде Левитана «Лесное озеро», посетители стали выражать удивление, перешептываться, пересмеиваться. Она оглянулась: оказалось, что на месте озера колосится рожь.

– А озеро?

– Рядом висит, на месте ржи.

– В спешке перепутали, поменяли местами, – кивнул папа. – Ну, пойдемте.

Директор музея, милая старушка Анна Павловна, бросилась к ним, как к родственникам, сжимая у груди свои ладошки.

– Господа офицеры, я вас умоляю! Помогите! Этот музей мне как дитя родное! Пятьдесят лет я ему отдала. Все эти годы берегла, отбиваясь от всяких чиновников, от бизнесменов – продай ему то, продай это, весь дом продай. А теперь вот – такое несчастье. Я вас умоляю, господа офицеры! Найдите этих негодяев, я сама отрублю им руки. Кстати, у нас в запаснике есть настоящая плаха и палаческий топор.

Крутая бабушка! Все бы были такие.

– Успокойтесь, Анна Павловна, – мягко сказал папа. – Мы их найдем – обещаю. А вы нам поможете, да? Давайте вместе разбираться. Насколько мне известно, кражу обнаружила ваша сотрудница Лапина, так?

– Так! Я обнаружила. – Экскурсовод тетя Липа шагнула вперед и сдернула с носа очки дрожащей рукой. Представилась: – Олимпиада Петровна, год рождения...

– Тысяча девятьсот восьмидесятый, – вежливо перебил ее папа.

– Да... Вы уже знаете?

– Очень просто, – объяснил папа. – Олимпийские игры в Москве. Многих девочек, родившихся в этом году, называли Олимпиадами. Ваш папа был болельщик?

– Еще какой! Знаете, он... – Ее глаза аж засияли.

– Про вашего папу несколько позже. – Наш папа уже понял, что она успокоилась, и начал ее расспрашивать.

– Все как обычно. Вы знаете, когда я веду по залам группу, я ведь на экспонаты не смотрю – я их наизусть знаю. Я смотрю на людей: как они слушают, как реагируют, все ли им понятно, интересно ли? Вы понимаете?

Папа кивнул.

– И тут вдруг такая ошибка! Я сначала даже не испугалась. Я подумала, что тетя Клава, это наша уборщица, когда смахивала с картин пыль, просто по невниманию их перевесила. Закончила экскурсию, позвала Клаву, спросила. Вот тут я испугалась. Стала с вниманием рассматривать полотна и... упала в обморок.

Папа тут же начал ее расспрашивать про ее папу: за какую команду он болел и каким видом спорта сам занимался? Тетя Липа снова успокоилась и в обморок не упала.

– Припомните, кто-нибудь из посетителей проявлял к этим картинам особый интерес?

– Определенно – нет. Живопись никого сейчас не интересует. Настоящее искусство... оно многим просто недоступно. Но я думаю, что еще не все потеряно. Мы ведь тоже стараемся...

– Я знаю, – сказал папа. – Где ваша тетя Клава?

– Тута я. – Тетя Клава, толстая и краснощекая, вопросов ждать не стала, сама все рассказала. – Никаких картинок я не перевешивала. Я их не трогаю уже год или два. Пыль смахнуть – это надо на стремянку влезть, а у меня радикулит. Залезешь так-то и на помощь зови. Стало быть, как они висели, так и висят.

В том-то и дело, что уже не так и не те висят...

Папа опять обратился к директору:

– Как охраняется музей?

– Сигнализации у нас нет – это для нас очень дорого. Днем мы охраняемся своими силами, а в ночное время у нас дежурят два профессионала – дядя Кузя и дядя Грей. – Она слабо улыбнулась.

Вот это все папе не понравилось: судя по всему, кража произошла в ночное время. При дяде Кузе и дяде Грее.

В это время распахнулась дверь и вошел местный участковый Стяпанов (именно Стяпанов). На одной руке у него висел Вася, на другой висела Бася, а на плече висела большая и тяжелая спортивная сумка.

– Доставил! – тяжело выдохнул Стяпанов, усадил на диванчик Басю, подпер ее Васей и с усилием поставил на стол брякнувшую железом сумку: – Вещдоки, господа офицеры. Тепленькими взял.

Он вжикнул молнию на сумке и попросил протокол:

– Сопоставим. – Стал читать по пунктам и выкладывать на стол поочередно содержимое сумки. – Так, шпингалеты медные фигурные шесть штук – есть. Засовы односторонние с шишечками восемь штук – есть. Шпингалеты бронзового литья двенадцать – на месте. Ручки дверные – львиная голова с кольцами – нет! Уже успели. – Он повернулся к задержанным. – Эй, коммерсанты, хорош спать! В камере отоспитесь.

Бася и Вася, притулившись друг к другу, сладко посапывали. Стяпанов дернул Васю за воротник:

– Василий! На выход, вопросы к тебе.

Вася разлепил глаза, сладко зевнул. Он говорить мог. Бася не могла. Она упорно молчала и настойчиво заваливалась на бок. И если бы не надежное Васино плечо, давно бы уже отправилась досыпать на полу.

– Василий! Где львиные морды? Кому продали?

- Дачнику. Лесная, двенадцать. Постоянный клиент.
- Быстро ты их вычислил, – похвалил папа участкового.

– Не проблема, товарищ полковник. У нас много старых домов, их сносят, а вот эти красавцы снимают всю фурнитуру и сплавляют дачникам. А те охотно берут. Ставят в своих коттеджах и врут гостям: это мы, мол, чудом сохранили из наших дворянских гнезд. Теперь ведь, товарищ полковник, все из дворянских гнезд вылупились.

Стяпанов вновь потерял задремавшего Васю:

- Где картины, Василий? Кому живопись продал?

Вася вдруг гордо вскинул голову, как принц, которого попросили помыть за собой посуду.

- Мы не живописцы! Мы художники по металлу!
- Воруют цветной металл и черный, – объяснил участковый.
- Внятно изложил, – кивнул Вася хмельной головой. – По существу.
- Не брали они картин, товарищ полковник. Не их профиль.
- Хорошо, Стяпанов. Доставьте их в отделение, а утром допросите.
- На предмет?
- Когда и как они проникли в музей?
- «Как» еще попробую, а «когда» – не уверен. Они, товарищ полковник, не то что в днях путаются, вы их спросите: какой год на дворе?

- И что? – папа улыбнулся.

- Упадут от изумления и не встанут.

Васю с Басей увели, а папа нахмурился:

- Ну, Кузнецов, иди сюда. И Грея тащи.

Дядя Кузя подошел, понурился. Грей – поджав хвост.

- С этого, – папа указал на Грея, – спрос небольшой. Где он спит?

- В Малом зале, там диван хороший.

- А ты где спишь?

- А я не сплю вовсе. Сажу в будочке, у входа, где касса. Читаю, чай пью.

- Грей сможет след взять?

- А как его брать? Они ничего не оставили, народу тут перебивало с того дня...

- С какого дня? – Папа насторожился.

– А с того самого, с третьего, если назад считать. Смекаю, что в эту ночь и совершилась кража.

- Почему так думаешь?

– Ну, как сказать... Дежурства у нас спокойные. Раз в три за ночь мы все залы обходим, проверяем. А вот в ту ночь немного случилось. Только я себе чаек заварил, только Грей задремал, как в парадную дверь барабанят. Подхожу. Топчется на крыльце нетрезвый гражданин. Вам чего, говорю. Отворяй, говорит, хочу искусство посмотреть, искусство, мол, для народа. Культурно объясняю: музей закрыт, приходите утром. Нет, не слушает, колотит в дверь.

- Почему наряд не вызвал?

– Да неловко, Сергей Алексанович, простой хулиганец, а я, старый боец, буду ребят тревожить. Дело другое – по инструкции дверь я не могу открыть, чтобы ему немножко навалить, а он бушует. Тут Грей подошел, рявкнул. А этот еще пуще: я, говорит, гражданин России, а ты меня собаками травить? Объясняю: прекратите свои противоправные действия, иначе я приму ответные меры. Он еще побуянил и уехал.

- На чем?

– Темно было, Сергей Алексаныч, не разглядел. По всему выходит, отвлекали меня. Моя ошибка, признаю. Только никак в ум не возьму: откуда они в здание проникли? Ведь все на запорах.

– Как он выглядел?

– Плотный такой, высокий, короткая стрижка. Одежда спортивная. Лицо круглое. Плечистый.

– Особые приметы?

– Тупой и глупый.

– Это не приметы, – вздохнул папа. – Ладно, заступай на пост.

– Отстранять меня надо, Сергей Алексаныч. Не справился.

– Не говори глупости.

Потом папа с начальником уголовного розыска майором Злобиным закрылись в кабинете директора.

– Вот, товарищ полковник, список подозреваемых. – И начальник положил на стол листок с фамилиями.

Папа прочел и удивленно посмотрел на него. Потом сказал:

– Быстро вы разобрались.

И непонятно было: похвалил или осудил.

– А что? Все ясно. Напрасно вы с ними так мягко разговаривали. У директрисы внучка поступила в университет. На платное отделение. Очень большие требуются деньги. Мотив? – И сам себе ответил: – Мотив. Лапина, экскурсовод. Я уже навел справки: взяла в банке ссуду на покупку жилья. Своего у нее нет, а зарплаты у всех сотрудников музея крохотные. Мотив? Мотив. Кузнецов, охранник. Ему предстоит еще одна операция. Платная. Мотив? Мотив. Согласны? Уборщица Тряпкина, в прошлом судимая...

– Добавь еще Злобина.

– Это которого?

– Начальника уголовного розыска.

– Ну, вы и шутите, товарищ полковник. – Злобин всерьез обиделся.

– Почему же? Я уже навел справки: вы намереваетесь поменять личную машину на внедорожник. Более того, в свое время отказали музею в установке сигнализации по льготному тарифу. Что скажете? И кстати, дополните свой список и моей фамилией. Я вот никак дом на участке построить не могу – все время денег не хватает.

– Товарищ полковник, работа у нас такая. Подозревать, проверять, разоблачать.

– Да, конечно... Только делать это надо с умом и сердцем. Вы что же, не знаете, как эти люди преданы своему делу? Они же влюблены в свой музей. А вам известно, что, когда им не хватило средств, выделенных на ремонт здания, они внесли свои деньги? Из своих нищих зарплат. И подозревать их в краже у самих себя как-то нелогично и нетактично.

– Ну, не знаю... Вы как-то неожиданно повернули...

– А что касается Кузнецова, я за него ручаюсь. Мы одно время служили вместе. Уволен по ранению. И он, и его пес пострадали при задержании опасных преступников. Вы, конечно, согласитесь, что такой человек сам на преступление никогда не пойдет.

– Так что же? Не проверять их?

Папа помолчал.

– Да нет, проверить, конечно, придется. Но очень бережно и тактично. Это понятно?

Злобин кивнул.

– И постарайтесь через сотрудников расширить круг лиц, которые так или иначе причастны к работе музея.

– Таких много.

– Вот видите. Музей ведет большую культурную работу. У них все время – выставки, лекции, встречи с интересными людьми, фестивали, Дни поэзии и прочее. О чем это говорит? О том, что этот музей – главное в жизни его сотрудников. И подозревать их – пустое и обидное дело. Ищите, Злобин, вокруг. Я по своим каналам постараюсь определить заказчика кражи. Скажу вам для ориентации: мы получили от таможенников оперативную информацию. За рубежом готовится некая операция по хищению в России предметов искусства и переправке их в частные коллекции. Руководит этой операцией пока неизвестный нам бизнесмен, получивший гражданство в Германии.

– Я понял, товарищ полковник. Вы – там, мы – здесь.

– Правильно поняли. У ниточки два конца. А сойдемся мы с вами у узелка. Действуйте. И вот еще что. Постарайтесь, чтобы информация о краже картин как можно дольше не предавалась огласке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.